

18+

ВЕГАС, БЕЙБИ ...

ВЕГАС!

психологический триллер

владимир деркач-деркачени

Владимир Деркач-Деркаченко

Вегас, бейби... Вегас!!!

Психологический триллер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40942771

ISBN 9785449633095

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Как быть счастливым без миллиона? Нужно ли быть богатым. И вообще, вы хотите чего-то, или вам это чего-то нужно позарез? Что бы вы сделали, если бы на вас свалился миллион? Психологический триллер рассказывает о событиях в Лас-Вегасе, где, как известно, возможно все! Это же Вегас, дружище... Вегас!

Содержание

Вегас, бейби... Вегас!

6

Конец ознакомительного фрагмента.

40

Вегас, бейби... Вегас!!!

Психологический триллер

Владимир Деркач- Деркаченко

Леонид Симкин *Корректор*

Екатерина Брайловская *Корректор*

© Владимир Деркач-Деркаченко, 2023

ISBN 978-5-4496-3309-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Copyright © Vladimir Derkach, author and publisher, 2019

All rights reserved. No parts of this book may be reproduced in any form, except for the inclusion of brief quotations in a review, without permission in writing from the author or publisher.

© Владимир Деркач, автор, издатель, 2019

Воспроизведение всей книги или любой ее части, за исключением использования кратких выдержек из текста при написании обзорных статей, запрещается без письменного разрешения автора и издателя.

Владимир Деркач

Вегас, бейби... Вегас!

Психологический триллер

Оформление: Деркач В., Симкин Л.

Корректоры: Симкин Л., Брайловская Е.

Вегас, бейби... Вегас!

Все богатые живут будущим, все бедные – прошлым, а счастливые – настоящим!

Его уставшие глаза не выражали никакого интереса к происходившему вокруг. Он, вообще, не ассоциировал себя с окружающей средой, а тем более с ее изменениями. Звякнувшая об пол чья-то монетка почти заставила обернуться его на звук, но белая паутина безмыслия повлекла его тело далее... Он смотрел на толпу идущих навстречу людей. Точнее, шагая на большой скорости, безразлично вскрывал ее взглядом, вырывая мимолетные кадры: кольцо, глаз, подпернутая губа, закрывающая магазин продавщица в желтой юбке с оторочкой, увеличивавшей ее и без того приметный зад. «Сапоги из змеиной кожи. Какой же толщины должна быть эта кожа, чтобы сапог выдерживал напор такой ноги?! Бар. Где же бар? Дверь в паркинг закрыта, и надо идти на проспект, а это в другую сторону». Ноги гудели. Будучи водителем лимузина он ненавидел ходить пешком.

«Третий день в Вегасе. Какое дерьмо! Нет, жизнь надо любить, – подумал он, – в любых ее проявлениях. Зачем мне образование? Лишний груз, мешающий жить. Это вот передо мною – дурного вкуса, а это – без вкуса вообще. Это же просто дикая кичуха! Попробую полюбить все это.

Я лю-блю-все-э-то-чу-до-вищ-но-е-про-яв-ле-ни-е-че-ло-ве-чес-кой-гря-зи-ко-пив-шей-ся-ве-ка-ми-и-пло-хо-смы-ва-е-мой-раз-лич-ны-ми-нра-во-у-че-ни-я-ми-и-ре-ли-ги-я-ми».

Мазохистское наслаждение!

От такой мысли даже слегка порозовели щеки и походка приобрела ощущение полета. То есть, он шел, чувствуя каждый шаг и контролируя этот самый каждый шаг. Отрывая каблук от асфальта, он осознавал, как эффективно преодолевает скольжение этих почти порнографических открыток, килограммовыми дождями ниспадающих после заката солнца на тротуары Лас-Вегаса.

Глаза резануло ударом раскаленного ветра. «Как же он сушит глаза, этот ветер, а ведь это – всего лишь третий день пребывания в Вегасе...» Идущий навстречу молодой парень сжимал совершенно пустую бутылку из-под пива, и глаза его светились счастьем.

«Ну, просто неоновая реклама „Narrah’s“. Слава Богу, хоть кому-то хорошо. Это уже баланс, – подумал он, – а то, я так со своим негативизмом, весь мир желчью залью».

Отпустило.

Он вдруг вспомнил, что ему впервые в жизни заплатили вперед. Но эта полученная авансом тысяча долларов чаевых почему-то не радовала. Она висела каким-то тяжелым грузом обязанностей и смутного ожидания непланируемых событий – и, к тому же, нежелательных. От большой суммы

неожиданных денег всегда впадаешь в такую прострацию.

«Пиво! Пиво должно помочь. Да почему ж они все закрываются в девять вечера!!! Это в Вегасе-то! Это же ночной город! Fine! Бутик с таблетками, бананами и холодильником для пива». Снайперский взгляд выхватил из очереди девчонку и парнишку, счастливо державших по бутылке «Bud light». Волна раздражения уже слабо и, как бы безнадежно, толкнула мысль к последнему, на сегодня, диагнозу этой страны: «Да ведь ЭТО невозможно пить!»

...Гром среди ясного неба так и не раздался. После девяти вечера он не раздастся. Оказывается, аттракциону в отеле «Planet Hollywood» надо тоже поспать.

Этого он не знал. Сел на бортик фонтана и, почему-то запотевшая, (а ведь кругом – пустыня, конденсироваться нечему!) бутылка Сьерра-Невады направилась к его губам. Интересно, что в ночной лас-вегасовской жаре человеческое тело ощущается холодным. Пальцы, словно сосиски из холодильника. Здороваться неприятно. Пиво тоже было холодным.

Обычно он пил на голодный желудок. Где-то в далеком советском романтическом пространстве, после всех этих Ричардов Бахов и чаек по имени «Джонатан Ливингстон», а также эпикурейских тезисов о том, что такое есть жизнь, он попробовал пить натошак. Какие метаморфозы претерпевала действительность!.. Ну, и из экономии тоже, чего уж там греха таить! Сущность мироздания как-то благоприятствовала несмешиванию вина с едой. Он и не смешивал.

Но сегодня было что-то не то. Пиво вошло внутрь, взбрыкнуло потайной отрыжкой и затихло. Мир не менялся. «Кууууул, – прополза мысль. – Не пойти ли в клуб? Футболка! Я же в футболке. Значит, все, что мне светит, – это какой-нибудь демократический затончик с повзрослевшими сорокапятилетними оклахомскими тетками и их обалдевшими от питейной свободы на улице толстопузыми ухажерами».

Войдя в казино «Harrah's», он увидел шест, неизвестно каким образом установленный на столе рулетки, и бившуюся возле него в агонии хард-рока уже взрослую девчушку о 30-ти годах. Ее вездесущий взгляд покрывал толпу пластиком равнодушия. Здесь ОНА была королевой.

Такой животной красоты движений он не видел уже давно. Ее обтягивающие виниловые шорты просто приклеили его взгляд, и когда ее лобок коснулся сверкающего хромом металла, он нервно сжал кулаки. Он остановился как вкопанный. Дурацки-приветливая улыбка, подходящая для любой ситуации, искривила его лицо. Какая же энергия шла от танцовщицы! Она его заметила и ответила, тяжело переводя на него взгляд. Он почувствовал себя, как перед остановившимся танком. В этом было что-то запредельно-неконтролируемое.

Сиротливо оглянувшись по сторонам, словно ища поддержки, он опять посмотрел на нее. Теперь она не только толкала его взглядом – она вползала в него, в самое его

нутро и, раздвоившись там, творила с ним, что хотела. Он не мог сопротивляться. Он сдался сразу. Без боя. Холодные мурашки пробежали по спине. словно сияющий столб энергии пронзил Лас-Вегас. В этот момент любой, способный видеть, да увидел бы два световых столба в небе: над «Luxog» и над «Harrah's».

Бросив гриву волос вперед, как бы добивая его, она застыла фронтально тугой тетивой, сильно расставив ноги. Он был повержен. Музыка продолжала ритмично взрывать прокуренный зал. Она явно смотрела на него, а он, словно вспомнив о чем-то недоделанном, неловко отвернулся от нее и побрел дальше, чувствуя ее взгляд на своем затылке.

Три минуты медленного протискивания сквозь толпу зевак, игроков и мексиканцев, подсовывающих визитки проститутток, немного помогли ему прийти в себя. «Какая мощь, – подумал он, – какая мощь!!!»

Откуда-то сверху донеслось:

– Дружище, как дела?

«Каравелла»! На веранде бара, метра на два возвышаясь над раскаленной биомассой, стояли уже сильно подвыпившие люди, и один из них, вытянув руку, «делал хай-файв» каждому проходящему. «О! Туда. Хотя бы на два метра вверх из этого окружающего говна!» Взял еще пива. Тонкий пластиковый стаканчик не давал ощущения стабильности, да и сама «Каравелла» тоже была не самым фундаментальным местом. Но стоять на балконе над плывущей внизу толпой

было приятно.

– Ну, поехали, – произнес он вслух, и, не будучи услышанным ни одной душой, выпил весь стаканчик. Стаканчик прижился в организме быстро. Посветлело.

Его привлек какой-то шум на террасе. Невысокого роста джентльмен показывал фокусы. Карты просто летали в его руках. Подтягивая рукава и касаясь то одного, то другого наблюдателя, фокусник заставлял выползать карты из футболок, трусов, галстуков. Каждую минуту компания вскипала радостным улюлюканьем и аплодисментами. Как-то незаметно барьер отчужденности был преодолен, и все дружески толкали друг друга или похлопывали по плечу. Какое-то безысходное счастье Братства Снисходительности.

«Моя тысяча! – пронзила мозг ледяная мысль. – Он же мошенник, фокусник этот. Сейчас я отсюда без штанов выйду!» Несмотря на раскаленную ночь, тысячелетний инстинкт ужаса каким-то непостижимым образом заставил волосы встать дыбом. Зрачки его расширились. Рука нервно поползла к карману. Там уморенная жарой джинса́ безразлично хранила эту злополучную тысячу. «Вууфффф... молодец, вовремя сориентировался. Все на месте!»

Опять донеслось гулкое эхо музыки из бара, и очередной взрыв хохота выдавил у него подобие улыбки. Когда опять появившийся в поле зрения фокусник вытащил бубновую семерку из полупустой бутылки «Короны», находившейся в руке у уже хорошо «нагруженной» девчонки (другой она

держала туфли на шпильке), водитель понял, что теперь уж точно пора идти дальше...

Идея покидания «Каравеллы» до того, как она пойдет ко дну, нравилась ему не очень сильно, но всю картинку портила эта беспокойная тысяча в кармане. Двенадцатилетняя борьба с нищетой достала его настолько, что он строил планы в соответствии с бюджетом, а не с мечтами. Его детские полеты на диване в другие города, страны и на отдаленные планеты теперь казались проявлением какой-то странной болезни, которой не страдал никто из его родственников или друзей. Он не помнил, где была реальность, а где был мир фантазии. Совершенно не помнил, а значит – разницы не было!

И вот сейчас, вместо того чтобы пойти поставить эту тысячу на кон и выиграть две, или хотя бы помечтать об этом, он почти испуганно ретировался из этой веселящейся толпы подвыпившей молодежи. Мечтать он уже не мог. Он стал наблюдателем.

То, что у него была машина, семья и здоровье – этого ему было мало. Не то, чтобы ему хотелось чего-то еще, нет, просто он этим имеющимся у него был не удовлетворен! Но самое главное, что он и не знал, чего бы ему еще пожелать. А быть просто наблюдателем жизни стало настолько тяжело, что он это почувствовал. И самое постыдное во всем этом, пожалуй, было то, что он боялся (он вдруг это осознал – БОЯЛ-СЯ) мечтать.

Ранее его фантазиям не было границ. И тропический остров, и прохладные тенистые дорожки других галактик появлялись перед его глазами одинаково ясно. Он жил и здесь и там; и если в одном из его миров чего-то недоставало, он перебирался в другой мир, где ЭТОГО было достаточно.

Неужели эта машинка перемещений, так долго находившаяся у него в голове, сломалась, и отремонтировать ее нельзя? Раньше, наверное, он переместился бы в мир, где поставленная на кон тысяча превратилась бы после вращения барабана в две тысячи. И устремленные на него восхищенные взгляды рукоплещущих вокруг игроков проводили бы его до кассы, где он выигранные деньги и получил бы, пошутив, как это водится в Америке, по поводу и без. Дескать: «Сегодня я вас не граблю. Может зайти завтра?!» – полусерьезно спросил бы он у кассира, а кассир явно бы «сьюморил», что завтра у них по плану санитарный день...

Он зашел в паркинг, чтобы забрать машину и отправиться в надоевший уже отель. В паркинге было еще жарче. Голова казалась несколько больше, чем обычно. «Не зря Неваду так любят гуманоиды, – подумал он. – У них голова-то большая, самое место ее здесь применять. Помнится, еще бабушка говорила: «Пусть лошадь думает, у нее голова большая».

Из открытой двери лимузина ударило таким жаром, что он решил кондиционер не включать, и открыл окна. Раскаленная смесь одеколонов, пластиковых ковриков и бензина двинулась вместе с машиной, периодически выплескиваясь

наружу на поворотах и остановках. «Поеду, дозаправлюсь. Там, на заправке перед Лухог, хорошая цена». И он изящно, почти как местный, миновав все пробки, которыми известен Вегас, несмотря на экономический кризис, прибыл на место.

Раздался звонок его телефона. Звонил шеф:

– Ты там долго не отдыхай. Скоро мне понадобится. Хорошо, вам, водителям! А у нас, предпринимателей, кризис! – и положил трубку.

«Кризис! – усмехнулся водитель. – По бульвару не проехать, по тротуару не пройти. В бар не попадешь, в рестораны очередь. Кому пришло в голову именовать все это кризисом? Если они так же „кризисовали“ и в 30-е годы, то мне их вообще не жалко». Будучи уже пять лет официальным американцем, он почему-то себя к НИМ не причислял. Очень уж разные платформы мировоззрения были у них.

Заправка вяло конвульсировала своей шланговой жизнью. Бензоядные чудища с номерами разных штатов стояли, подолгу присосавшись к колонке, что-то неясно ворчавшей. Их хозяева суетливо толкались вокруг, смывая суицидальных мух с ветрового стекла, или забегали на кассу заплатить и взять чек. Выдавив, наконец, «оклахому» с площадки, он краем глаза увидел лежащий на пузе пикап. То есть, он действительно всем своим корпусом лежал на асфальте, хотя колеса у него и были.

Следуя своей советской привычке, он запер все двери, вставил «пистолет» в отверстие бензобака и поплелся к кас-

се.

– 60 на 4.

Так обычно ОНИ говорят. Он, несмотря на несовпадение в платформах, тоже говорил так. Иногда его понимали! Идя к своей машине, он опять глянул на пикап. «Типичное явление», – подумал он, увидев лениво отделившееся от лежащей на асфальте машины тело. «Сейчас подойдет и скажет, что отбился от стаи, двадцать пять центов сильно помогут, ну или что-нибудь в таком духе». Уже и заготовленная фраза вылезла наружу: «Извини, мол, мэн, вот завтра – пожалуйста, а сегодня, сорри (типа, что мне тысячу менять ради подачки, что ли?). ОК?!»

Занимаясь всеми этими бензозаправочными операциями, протирая и так чистые стекла, он где-то в глубине своего сознания отметил, что у подошедшего бомжа как бы не было лица. То есть оно у него явно было, ибо откуда-то должна же была выползти просьба о двадцати пяти центах! Но в капюшоне было пусто. Зато одет он был потрясающе! Представьте себе чикагского бомжа, греющегося зимой возле бочки с горящим мусором, чтобы уж совсем клише получилось. Так вот: это был он. Оттуда, из Чикаго, и в том самом двойном пуховике. Было непонятно, как это он еще оставался жив при такой температуре снаружи и внутри...

– ОК, мэн, натер так, что сверкает не хуже чем двадцать пять центов, которые бы мне сегодня очень помогли! – сказал бомж.

«Поэт, мать твою...» – подумал водитель.

Из того места, где по идее должно было находиться лицо, выстрелил пристальный взгляд. Он, столько лет проживши в Америке, до сих пор не привык к этим простым взглядам, глаза в глаза. Он даже тренировался перед зеркалом, да толку-то! «В зеркале – я, а тут – некто Неизвестный». Он отвел глаза в сторону, вроде, как посмотреть на бегущие цифры галлоно-долларов на бензоколонке.

– Лучше, конечно, тысяча... Тысяча сейчас помогла бы по полной... – не отставал бомж, пытаясь привлечь к себе внимание.

Водитель быстро сообразил, что ответить, и произнес:

– Да тебе и тыща не поможет!

– А вот тебе она вообще не нужна! – обиженно произнес бомж и, как танкер на развороте, медленно двинулся к своей машине. Снова заняв свою рабочую позицию, бомж вопросительно, но как-то настойчиво и задорно крикнул:

– Ты бы зашел в казино, поставил на 22 или еще на что, миллион бы выиграл! Может, тогда бы поделился?!

Тут уже и заправочный пистолет звонко щелкнул: мол, готово! Водитель привычно взглянул на дисплей. 22 галлона. Полна коробочка! «Постой! 22!» – он поискал глазами бомжа. Но ни машины, ни ее хозяина на заправке не было.

– 22, – повторил он вслух, идя к кассиру за чеком. Раскаленный ад Вегаса явно начинал зло шутить над уставшим водителем...

Яркий неоновый свет в помещении кассы вернул его к действительности. Сверкающие золотом пластиковые обертки шоколадок, конфеты, пестрые, словно индейцы на тропе войны, и вяленое мясо «джерки» попытались отвлечь его внимание от содержимого чека, где, как мираж в пустыне, вяло, но настойчиво, проявлялись две цифры – 22.

– Прикол, – только и смог произнести он.

...Привычно, в одно движение, ключ влетел в замок зажигания и четкий поворот на сорок пять градусов заставил мотор погнать раскаленный воздух ночной пустыни под корпус лимузина. Взгляд привычно коснулся экрана радио. 22:22. «Ну это уж совсем выходит за рамки реального, – подумал он. – Если сейчас еще и НЛО приземлится в 22 метрах от меня – тогда уж я точно сошел с ума».

«А прикольный бомжара! – рассуждал он, поглядывая в зеркало заднего вида. – Экстрасенс, наверное. Знает, что у меня в кармане лежит тысяча долларов. А у кого ее сегодня в этом городе нет! Вегас, дружище... Вегас!» – успокоил он себя и уверенно покатыл по уже ставшей частью его жизни дороге в отель.

«Да, конечно, эти командировки выбивают из колеи, но работа есть работа. Причем, она мне как бы нравится. Новые люди, новые места. Еда вкусная. Бомжи вот, экстрасенсорные... попадаются. Пойди еще найди где такую работу!» – он повернул направо.

«Хорошую работу найти трудно. Еще труднее найти нормальную стоянку. Вон сколько отелей-казино вдоль бульвара построено, а более-менее продуманный паркинг есть только в «Bellagio» и в «Wynn», – продолжал он про себя нудить.

Взлетев по наезженному маршруту на самый верхний этаж гаража, он занял самое близкое к лифту место. Звонок от начальника: «Ты потусуйся где-нибудь два часа, но в отель не едь, скоро понадобится».

Опять вынужденное безделье. «В казино уже больше находиться не могу! Однако какой вид с крыши паркинга открывается! Просто какое-то отражение Млечного пути».

Ему вспомнилась январская ночь в Старом Крыму. Каникулы. Ему семнадцать лет. Он пошел «в город», как тогда говорили, за хлебом и встретил на улице возле магазина подружку двоюродного брата. Она почему-то предложила пойти в кино. Название фильма и кинотеатра канули в Лету... Он, как дурак, с двумя буханками ароматно пахнущего хлеба, согласился. Он просто не мог придумать ничего другого. Он растерялся, хотя не испытывал к ней никаких чувств, чтобы вот так неожиданно смутиться и застрять с ответом.

Фильм был широкоэкранным. Это он запомнил. – Широкий, как жизнь, – сказала она.

«Господи, сколько вокруг нас поэтов живет!» – только сейчас, тридцать лет спустя, он смог это осознать! А тогда она сидела рядом, пахла молодой задорной девушкой, но и хлеб тоже пах не слабо, вызывая повышенное слюноот-

деление, да и фильм оказался двухсерийным. В общем – впечатлений на целую книгу. Она была старше его на один год и, наверное, умнее на столько же. Позже он заметил, наблюдая за людьми, что мужчины – они хоть и сильные, и взрослые и с бородой, но все равно есть суть мальчишки, а вот женщины, даже девочки, вне зависимости от возраста, всегда в глубине души своей являются матерями. Фильм закончился, и зрители, медленно надевая шапки и заправляя шарфы, стали покидать кинотеатр.

Когда они пошли по заснеженной улице домой, она взяла его руку своей рукой в вязаной варежке и, что-то медленно рассказывая, размахивала в такт шагам вперед и назад. Иногда она подскальзывалась и судорожно цеплялась за него двумя руками. Это было очень приятно. Он чувствовал себя опорой. Свернув с центральной улицы, кое-где тускло желтевшей фонарями, они сошли с тротуара на пустую дорогу, совершенно белую и похожую на хорошо натянутую простыню. Свежевыпавший снег поглощал все звуки.

Впереди на горизонте, словно в детском кукольном театре, черными силуэтами стояли, как из картона вырезанные, горы. Главный Художник не поскупился на алмазы и сапфиры, и новогоднее небо сверкало чужим светом далеких звезд. Хлеб замерз и ерзал двумя кирпичами по дну сумки. Несмотря на праздничную суету, царившую в городе днем, сейчас на дороге не было ни души. Около своего дома она слегка замедлила ход, но не остановилась, как бы приглашая

к обсуждению: «Ну, мол, что будем делать?»

Он не курил, разговоры вести был не мастак, да и моложе был на один год, не говоря уж о том, что это была девушка его двоюродного брата. Что он мог ей предложить? Слова застряли в горле. И она опять его выручила:

– А хочешь, я тебе звезду Сириус покажу? – понизив голос, полушепотом, смотря ему прямо в глаза, протянула она. – Только ее отсюда не видно, деревья загораживают. Пойдем на речку!

Он радостно последовал за ней. Там, на границе цивилизации и дикой природы, среди заснеженных берегов, позванивая хрусталем, бежала горная речушка, отражая в своих излучинах россыпи звезд.

– Вот! – толкнула она носом морозный воздух.

– Сириус!

Там, в звонкой тишине, мерцая, словно подмигивая, сияла самая яркая звезда зимнего неба.

– Холодно, – сказала она.

– Зима, – сказал он.

Он неловко просунул свои руки в варежках ей под мышки, обнял ее и нежно придвинул к себе. Она тоже его обняла. Он, медленно наклонившись, поцеловал ее верхнюю губу, почувствовав легкий пушок ее щеки и прозрачный запах каких-то заграничных духов. Она слегка закинула голову назад, придерживая рукой шапку, и сказала:

– А поцелуй меня еще раз! Я буду смотреть на звезды.

На Сириус! Я буду мечтать, а ты поцелуй.

Ее шепот, казалось, был продолжением этого волшебного разговора звезд, ведущегося в небе каждую морозную ночь.

Он, пожалуй, уже и сосчитать бы не смог сколько раз ему приходилось целовать девушек и женщин после той морозной ночи, но это был единственный поцелуй, который он помнил. И помнил он его с точностью до секунды, и что интересно – с годами не пропадали ни его сладость, ни поэтичность, ни здоровый задор молодости.

Те же звезды светили над его головой и сейчас. Тот же Млечный Путь сверху разглядывал ту же Землю. Только теперь он стоял на крыше паркинга одного из самых дорогих казино на Земле, над сверкающим всеми фотовспышками мира центральным бульваром Лас-Вегаса, обремененный непонятно какими заботами, неспособный всем этим сверкающим раем наслаждаться и предпринимать хоть какие-нибудь действия, которые могли бы изменить его собственную жизнь.

«Как же можно рулить, если не знаешь куда ехать?» Да, он стал прагматичным человеком... Поэзия Млечного Пути превратилась в проблему объезда светофоров.

«А может, я уже давно умер или сплю наяву, как многие мои знакомые?! – подумал он. – Может, это в молодости в голове происходят всякие там амбициозные процессы или еще что? Может, это от незнания, там, в голове, живут мечты? А может, это защитный механизм, тренинг своего рода? Си-

мулятор жизни?»

Петушиный крик телефонного звонка прервал его размышления, и шеф заявил, что, мол, «можешь погулять еще пару часиков, в казино, что ли, сходи, потом встретимся, поужинаем. Пока, мол, занят. 22 раза уже обсуждаем одно и то же».

«Опять эта странная цифра!»

Вообще-то, стоять на паркинге в сорокоградусную жару даже любителям тепла вредно, и он решил спуститься в зал и поиграть.

Войдя в лифт, он почему-то удивился тому, что кнопки с цифрой 22 на плате нет. Да там всего пять кнопок! Ну перегрелся, с кем не бывает. Глюки всякие полезли. Приятно дзинькнула кабина лифта, и красный свет зала казино, а потом и аромат дорогих духов, вернули его к действительности. Поворачивая налево по коридору, он профессионально глянул вправо, не едут ли там машины. Они там не ехали. Они там стояли экспонатами на выставке в музее «Феррари», ожидая своей участи быть однажды приобретенными бойкими ребятами, которые считали, что «Феррари» – необходимый штрих в их жизни. Но не для «понтов», а ради полноты ощущения, поскольку у нормального джентльмена поездка на воскресный «бранч» не может состояться на другом автомобиле.

Возможно, объем выделяемого организмом желудочного сока прямо пропорционален вложенным в машину деньгам.

Хотя, если судить по размеру фигур богатых людей, в голову приходят противоположные мысли. Как-то не попадались ему на глаза одновременно очень полные и очень богатые люди.

Роскошь зимнего сада в этом царстве вечного лета подарила его снайперскому взгляду длинные тонкие ножки смешной японки, которая, традиционно выставив пальцы в виде буквы V и, выдавливая из себя слово «ЧИЗУУУ», фотографировалась на фоне тяжелодвигающихся вверх и вниз атласных красных зонтов, всегда заставлявших водителя задуматься о прочности удерживающих их тросов.

«Смешная! – подумал он, посмотрев на ее косолапую стойку. – Наверное, так модно! Утащить ее к себе в номер, что ли? Хорошенькая...»

Тут к ней неизвестно откуда прибежали еще четыре таких же смешных длинноногих создания. «Ну, с таким гаремом мне не справиться», – тоскливо подумал он. Еще раз оглянувшись на японок он, уже медленнее, пошел вдоль игральных столов и остановился у рулетки. Шумная компания явно неплохо отдыхала после сегодняшней конференции в Convention Center, и по ним было видно: все, что необходимо было сегодня подписать – они уже подписали. В противном случае, трудно было бы представить себе такое безудержное дуракаваляние. Проиграть сегодня две-три сотни им было в радость.

«Ничем другим, пожалуй, в нашем возрасте стресс не сни-

мешь, – подумал он. – Раз день состоялся, то почему бы не отпустить тормоза. Для этого Лас-Вегас и был создан. У детей, например, есть Диснейленд. Взрослым же все эти карусельки и киоски с мороженым уже давно не „вставляются“. Вот и приходится тратить часы и дни на дорогу, чтобы добраться до места, где можно отдаться на волю своих инстинктов „по-взрослому“. Есть, конечно, еще Афганистан, где адреналин и кортизол льется ведрами, но очень уж далеко лететь, да и пули там настоящие...»

Он внимательно понаблюдал за тем, как веселая компания делает ставки, что при этом говорит и как радуется в случае выигрыша. Сколько раз он видел все это в кино! Сколько раз он видел все это в жизни! Но ни разу не играл сам. Говорят, на Дальнем Востоке, у японцев, даже есть специальные туры, построенные на идее: «Стань взрослым! Прими решение!»

«Я тоже вырос в очень социальной стране. Меня никогда не спрашивали, чего я хочу. Мне всегда говорили: „Иди есть!“ И я шел. „Делай домашнюю работу!“ И я делал».

В Америке его поразило то, что родители в магазине спрашивали даже своих грудных детей, театрально меняя голос: «Эту морковку купить или эту?» Какая-нибудь веселая пятидесятилетняя мамаша показывала грудному ребенку два разных пакетика. Ребенок радостно тянул ручки к маме, она говорила: «Good boy!» – и кидала какой-нибудь из пакетов в тележку. «Маразм! – закусил он нижнюю губу. – Маразм-то маразмом, а вот теперь этот ребенок вырос и играет в крэпс.

А я, такой из себя весь образованный, понятия не имею, что это за хрень такая. Может, пришла и моя пора принимать решения, а не просто рефлексировать. Может, и мне пора в тур «Стань взрослым?»»

Рулетка на первый взгляд показалась честной игрой. Больше рискуешь – больше выигрываешь. Руки крупье почти ничего не трогают. Подделать шарик или колесо – невозможно. Эквивалент судьбы, да и только! Не надо, однако, забывать, что сложение всех чисел рулетки равняется 666-ти, а это число, как известно, дьявольское. С дьяволом же играть страшно. Даже в прагматичной Америке суеверия и предрассудки родной страны составляли фон его миропонимания.

Нехорошее чувство липкого волнения, как у кузнечика перед полетом, охватило его. Но ноги уже двинулись в сторону полусвободного стола. Он достал двадцать долларов. Такова была минимальная ставка, указанная на табличке. Деловито протянув банкноту крупье, он заметил недоумевающий взгляд соседей по будущей игре.

– Клади на стол, – сказал крупье.

Играющие уже догадавшись, что рядом появился полный лох и стали ему помогать:

– Клади на стол! Не бойся!

Водитель неловко положил двадцатку на зеленое сукно. Двдцатка, как назло, была мятой и сложенной пополам, словно чаевые у носильщика.

Крупье безразлично протолкнул деньги прозрачной пластиковой картой в щель «банка». Видать, попадались банкноты и пострашнее. Насобирав десять фишек и поставил их, как в кино, маленькой башенкой на стол.

– Делайте ставки! – прозвучала фраза.

Водитель со знанием дела взял одну фишку (хотелось растянуть удовольствие и самообучение) и поставил ее на красное. Коммунистическое прошлое давало о себе знать.

– Не-е-е-е, минимальная ставка двадцать долларов. Ставьте все десять, – сказал крупье.

Играющие, как один, показали знаками, что ставить надо ВСЕ или раскидать это ВСЕ по разноцветным квадратам с числами-номераами.

«Блин, так осрамиться перед народом!» Даже надетая ради такого случая рубашка с игральными картами мгновенно повлажнела. Он, шмыгнув носом, сказал в оправдание:

– Тяжелый сегодня день выдался! – и поставил все на номер 10.

Вокруг хохотнули. Способность постоянно «попадать в ситуацию», или, вернее, не попадать в «ситуацию» – это нормальное состояние любого иммигранта. Пока он не поймет местную систему жизни, пока не выучит язык, иммигрант постоянно «питается дерьмом». Когда же его диета (обычно после лет десяти пребывания в стране) начинает меняться, и количество дерьма в ней уменьшается, он становится настолько снисходительным человеком, что в ответ

на пролитый на его брюки кофе не бросается с места бить физиономию официанту, а с досадой произнесет что-нибудь типа:

– Сахар-то, хоть, не забыли положить?

Но, чтобы стать таким мастером 17-ой степени кунг-фу (победа без боя), надо вдоволь поесть дерьма. В заграничных кругах считается, что если по приезду в Америку ты не мыл унитазы, то твой сегодняшний «Мерседес» – это ошибка природы. Ты его не заслужил.

Шарик побежал против лакового полета колеса, как-то глупо попрыгал по насечкам и замер.

– Пятнадцать, черное, – задорно, как будто впервые в жизни произнося эти слова, протрубил крупье и сгреб ВСЕ!!! Не выиграл никто! «Ну что, стал взрослым?! – ехидно вылез голос его сорокапятилетней души. – Да если бы и на красном оставил, все равно не выиграл бы. А мог бы коньяку на эти деньги купить...» Попытка повзрослеть как-то не состоялась. Больше играть он не стал. Побродил вяло по рядам и посмотрел на хорошо «подогретых» игроков в карты. Полные уверенности в себе и бросающие со знанием дела кости игроки в крэпс его немного развлекли.

«Все-таки народ больше проигрывает, чем выигрывает», – подумал он. Ему вдруг стало страшно от осознания, что именно такое незамысловатое умозаключение «осенило» образованного и умного человека (каким он себя считал всю свою сознательную жизнь), да еще в таком возрасте!!! Ведь

это очевидно и просто, как молоток и гвозди. Чему тут удивляться? Но, где-то в глубине души, червяком на рыболовном крючке болталась надежда. Ведь кто-то же выигрывает! С другой стороны, никто этого контролировать не может! Почему же тогда все они играют, и будут играть? И сегодня, и завтра они будут играть! Что ими движет? Если они не могут контролировать бег колеса рулетки, то как же логически мыслящие взрослые люди, считающие каждый цент сдачи в магазине, а некоторые – аккуратно вырезающие купоны со скидками на продукты, идут и тратят свои деньги впустую?! Но, посмотрев вокруг, он увидел светящиеся безудержным счастьем глаза этих игроков! «Странно. Они не контролируют ситуацию, но они счастливы!!! Нет, пойду наверх, проветрюсь».

Лифт выплюнул его в сорокоградусную жару паркинга. Раскаленная ночь Лас-Вегаса тускло освещала желтым фонарем одинокие машины, бросая на сковородку бетона тревожные длинные тени. Он опять подошел к краю стоянки. Внизу шевелилась толпа свежеприбывших туристов, еще полных сил и наличных денег.

Ему вдруг так захотелось убежать от всей этой толчеи и оказаться на собственном тропическом острове, что он даже почувствовал запах «мохито» в бокале, который, по такому случаю, несомненно был бы в его руке. Вдалеке, в бирюзовой глади океана, должна была бы, как по сценарию, покачиваться небольшая яхта, обязательно белого цвета. Вни-

зу, на стоянке, среди благоухающих розовых кустов, стояло бы два (!) Роллс-ройса. Один – его, второй – его жены. Она должна была бы прилететь утром на вертолете с материка. После заснеженной Москвы она наверняка будет ворчать что-нибудь по поводу повышенной влажности и забытого крема от солнца...

Раскаленная ночь превратилась в тропический полдень, шелест автомобильных покрышек – в нежный прибой, и он даже представил себе, что они будут есть сегодня на ужин. Ведь сам мэр города обещал приехать! Придется поработать над идеей медленно тушеной свинины со свежими ананасами. Ну, и конечно, подумать о десерте. Пурпурные черносливовые тона двадцатипятилетнего «Porto» наполнили нежным эфиром его мысли...

Теперь он знал, что это видение и есть его настоящая жизнь, а то, что он делает сегодня – это вообще непонятно что! Он вдруг понял, что его «сегодня», это, скорее всего, какое-то недоразумение, и его надо исправить. Но как?

Жалко, что нет в телефонных кабинках неких книг, вроде Yellow Pages, куда можно было бы заглянуть в любой «вопросительный» момент и получить ответ на вечный как мир вопрос: «что делать?» «Был бы у меня миллион, я бы знал, что с ним делать!!!» – водитель отчаянно ударил ладонью по перилам.

Сейчас он точно знал, что с тысячей долларов в кармане он просто не имеет права стоять здесь, на паркинге, без дела.

Он должен идти, нет, бежать вниз, обратно к игральным автоматам. Ему, наконец, стало отчетливо ясно, что ласковый прибор под тем тропическим балконом просто так не появится. Пора было совершить жертвоприношение.

Влетев во все тот же лифт без кнопки 22 (которую он, почему-то, опять надеялся увидеть), он молниеносно свалился вниз в казино. Лифт, вяло звякнув, выпустил пассажира в свет. Даже отсюда он увидел, что на Колесе Фортуны, мигающем, как летающая тарелка в кино, всеми цветами радуги появилась огромных размеров цифра: 1,437,222. Последние цифры, показавшиеся ему страшно знакомыми, постоянно менялись. Но менялись они в «правильном» направлении. Число росло! Это постоянство изменений ему нравилось! Он получал удовольствие от каждого шага по направлению к игальному автомату. «Джек-пот» медленно полз вверх. «Вот туда-то я и пойду!» – безоговорочно решил он, уже даже не просто чувствуя, а точно зная, что сегодня он выиграет.

Так бывает, когда уже устаешь бояться и предполагать, и смело идешь в бой безо всякой мысли «если». One-way ticket. Контроль был полным. Он превратился в «камикадзе» Лас-Вегаса.

Водитель сел за пульт. Засунул стодолларовую банкноту в приемник. Играть – так играть! И задорно ударил сверкающую кнопку. Конец предположениям!..

Пока колесо крутилось, к нему подошла разносчица на-

ПИТКОВ.

– «Bud light», «Miller»? – спросила она.

– А сколько тебе лет? – нагло спросил он.

– 22, – ответила она. Наверное, привыкла и к более откровенным вопросам.

– Bud light?

«Нет, вот этого дерьма я в рот не возьму ни за что!» – подумал он.

– Бурбон, NO ICE, ОК?

«NO ICE» тут прозвучало, как волшебное заклинание.

– Ща будет, – по-русски произнесла она.

Оказалось, что она из Одессы. Услышав его акцент, она безошибочно узнала соотечественника, и перешла на русский. Работает здесь полгода, довольна жизнью, как подсолнух солнцем.

Колесо медленно подползло к цифре 22 и застыло. Две последующие секунды какой-то странной тишины взорвались грохотом какофонии, обрушившейся на него и на сидящих рядом игроков. Как из-под земли появился инспектор с наушником. Радости почему-то не было. Не ошибка ли? Все вокруг встали с мест и, радостно аплодируя, виновато поглядывали друг на друга. В их глазах читался вопрос: «Почему не я?!»

И только тут его подбросило волной дикого спонтанного счастья. Миллион! Он выиграл миллион! Миллион!!!

Никогда в жизни, ни в детстве, ни по окончании служ-

бы в армии, ни при получении диплома или грин-карты он не орал от счастья так громко.

Половина игрального зала просто прекратила играть, а за-нервничавшие крупье и инспекторы теребили уголки столов и постукивали фишками по зеленому сукну, ожидая возвращения внимания собственных игроков.

22-летняя украинка стояла с раскрытым ртом и явно представляла себя на его месте. В ее голубых глазах несбыточной мечтой забился тропический прибор, и влажный теплый ветер отбросил прядь ее светлых волос на лоб.

Потом была выдача денег, переговоры с администрацией казино, фотографии на память и все такое прочее, и даже обед за счет казино в мишелиновско-звездном «Алексе». Водитель никак не мог понять, в какой реальности он находится.

Когда после такого (мягко выражаясь — необычного) хода событий зазвонил телефон, он с трудом сообразил, что звонят, собственно, ему, и что он все еще находится на службе в качестве водителя лимузина, а его начальник ничего не знает про миллион... Можно только предположить, что скажет начальник и как будет выглядеть его лицо, когда он услышит эту новость. Впереди опять замаячила будничная рутина: «Клиент готов, выезжай!»

В лифт, в котором кнопка 22 так и не появилась, он не пошел. Он взбежал, нет – взлетел на последний этаж паркинга по лестнице и ударившая в лицо волна из «духовки» Лас-

Вегаса вернула его на Землю. Липкая жара салона лимузина и холодные пальцы водителя сплелись в одно единое целое, и машина тронулась с места.

Начальник на новость прореагировал странно:

– Это же Вегас, бэйби, Вегас!

Это было единственное, что он произнес по поводу выигрыша. Он не стал ничего расспрашивать или интересоваться подробностями события. Как будто галлюцинация Лас-Вегаса продолжала распространяться и на него тоже. Потом стал долго и нудно рассказывать о том, что он «зацепил» новый счет-аккаунт, и теперь жизнь будет насыщена работой, о чем он все время и мечтал вслух во время тоскливых ночных переездов, мешая спать за рулем своим водителям.

– Клиент попался правильный. Мы завтра подпишем договор. Сегодня отвезем его на Le Rêve, и ты свободен. Вообще-то, надо бы обмыть твой миллион, – сверкнул он бойко глазами, как бы вспомнив о необыкновенности случившегося. Но и это прозвучало обыденно, а в голосе его не было и капли величия.

– Тогда в МІХ, там вид бесподобный, да и еда неплохая, – сказал водитель, теперь уже, через тире, миллионер.

...Обед с шефом не получился. Ресторан был забит полностью. К счастью, одна пара закончила свой ужин и столик освободился. Водитель совершенно не хотел есть. Все эти переживания, да и небольшое застолье в «Алексе», надолго убили его аппетит. Шеф был явно измучен требовательным

клиентом и мечтал только о горячем душе. Необыкновенной редкости событие отметили за тридцать минут. Официант озадачено посмотрел в подписанный счет. Однако цифра в графе «чаевые» его успокоила, и он бросил вдогонку:

– Хорошей Вам ночи!

Когда водитель закрыл дверь своего номера и, прислонившись к ней спиной, блаженно потянулся, фраза «Вегас, бэй-би, Вегас» мистически низким тембром сползла с его губ. В магической тишине комнаты по потолку бегали слабые отсветы ночного миража города снов. Он подошел к окну. Там он простоял минут пятнадцать, бессмысленно переводя взор с одной сверкающей точки на другую. Когда сложенные на груди руки затекли, он, хлопнув весело в ладоши, решил «поставить чайкú». Спать не хотелось. Пока кипятильник расталкивал пузыри по сторонам чашки, он достал из кейса чистые листы бумаги и карандаш.

На миллион, конечно, остров не купишь, но, кое-какие идеи созрели уже давно. Сейчас он реально осознал, что его выигранный миллион – это действительность, и эту действительность можно даже потрогать. Подтверждение этому (в виде распечатки из банка) лежало перед ним на столе, а в сейфе номера лежал мешок с миллионом долларов наличными. В который уже раз водитель всматривался в фантастические для его ума цифры, опять и опять сверяя количество нулей, точек и запятых, боясь ошибиться в оценке из-за другой системы координат, принятой в Америке. Но,

в конце концов, оказывалось, что миллион никуда не подевался и безразлично ждет его распоряжений.

Эта перемена в его жизни добавила ему совершенно неожиданных забот, о которых он и не помышлял. Вместо того чтобы, как водится, почистить зубы и, посмотрев на себя сквозь запотевшее зеркало ванной комнаты, сказать что-нибудь типа: «Козлы, неужели им трудно было обогреть в стекло всунуть, чтобы не запотевало», а затем пойти спать, он теперь сидел и, постукивая карандашом по сжатым губам, думал, что же делать с этими деньгами.

Он не стал ставить на листе бумаги 1, 2, 3 и так далее. Бесконечность миллиона ассоциировалась у него с нулями. Феномен того, что чем больше нулей в числе, тем число больше, его поразила! Миром правит пустота? Или все зависит от места запятой?

Он поставил по всей левой стороне чистого листа точки-кружочки, в паутине раздумья обводя каждый кружок раз по десять. Однако, как ни странно, образ его «первоочередной покупки» так и не проявился ни на листе, ни в его сознании.

Громко забулькала вскипевшая вода, и он встал, чтобы выключить кипятильник. «Миллионер кипятит воду китайским трехдолларовым кипятильником», – влезла в его мозг показавшаяся смешною мысль. Какое-то неприятное волнение заерзло в его организме. Даже сам процесс получения выигрыша, даже все эти сложные механизмы налогообложе-

ния и заполнения миллиона официальных бумаг, касающихся его миллиона, вызвали у него меньше переживаний, чем эта дуэль с пустотой чистого листа. Поставленный «в лоб» вопрос громоздился Эверестом на его еще недавно таком ясном пути из ниоткуда в никуда: «Что со ВСЕМ ЭТИМ теперь делать?»

Мысль металась из стороны в сторону, как августовская муха в коктебельской столовой: «Купить дом? А где? Нет, пока ничего не понятно, надо положить эти деньги на выгодный счет под процент. А куда? Как узнать, где его дают, этот наибольший процент? И где риска поменьше?! В России дают до семи процентов годовых. А че ты тогда оттуда уехал? Вот то-то и оно! Каймановы острова – что это такое? Может в Швейцарию? Хотя я слышал, что оттуда недавно утекло до тридцати процентов вкладов из-за рассекречивания счетов. Явно, по просьбе Штатов... Ну, у меня-то все по закону. Чего мне переживать? Надо найти финансового советника. Только честного и с рекомендацией! Говорить ли друзьям, что я выиграл миллион? Если скажу, их отношение изменится. Будут перед сном обсуждать, куда бы они потратили такие деньги, и если мои действия не будут совпадать с их фантазиями, то, как ни крути, появится напряженность в отношениях! А если я не скажу, то они, случайно узнав, обидятся. Скажут: «Смотри, какого жмота на груди своей пригрели. Даже в ресторан не пригласил». Приведут в пример героя фильма «Бриллиантовая рука». Скажут: «Даже он отмечал

свою находку, и купил, заметь, по совету друзей, новый автомобиль марки «Москвич». А как быть с родственниками? Они же все бедные, как церковные мыши. Надо бы помочь. Хотя они никогда мне в Америку не звонили. Ни по какому случаю. А могли бы. И это – не от бедности».

Зато позвонила жена. Обычно первым звонил он, поскольку она знала, что день у водителя – ненормированный, и он может быть занят с клиентом. «Я же не сказал ей, что выиграл миллион! Как бы так издалека ей об этом намекнуть, чтобы она не сразу в обморок упала? Нахрен! Надоело все! Скажу все сразу, как есть!»

В ответ раздался залиvistый смех и рекомендация больше на ночь не пить. Однако по мере продвижения в пояснениях о деталях выигрыша, процедуре выдачи денег и обеде в «Алексее», голос жены становился все более рассеянным. Она уже и отвечала невпопад, явно обдумывая теперь свои первые покупки.

– Ты только пока никому не говори, – сказал он в паузе между ее восклицаниями. – Давай я вернусь, и мы подумаем, что делать дальше.

– Слушай, а бросай ты все это к черту и приезжай домой. Теперь ты уже не лимузинщик, а миллионер, – впервые с ее губ слетело это уничижительное «лимузинщик». Его слегка покорибила такая резкая трансформация в «наименовании», но он совсем не помышлял ни о каком бегстве, более того, при всем «энциклопедическом» потоке мыслей идея бросить

шефа и туриста в лимузине без водителя ему в голову не приходила.

– Ну, хорошо! Давай я завтра тебе позвоню, – сказал он. – Целую, бай!

– Спокойной ночи, – произнесла жена и положила трубку.

«Ну, все! Бессонная ночь двум существам на расстоянии двухсот восьмидесяти миль обеспечена, – подумал он, засыпая в кипяток еще одну ложку чая. – Миллионеры по ночам пьют дешевый плиточный китайский чай из отходов производства! Прессованная чайная пыль... Наверняка еще и венником сметали, да, поди, прямо с пола. Машину бы надо новую купить. А какую? Купишь «Лексус», автоматом превратишься в иранца. Весь Беверли Хиллс этими «Лексусами» завален. «Мерседес» – это банально. А потом, я этого тошнотика ненавижу из-за его подвески. Когда проходишь поворот, машина едет туда, куда и ехала, а ты – туда, куда повернул руль. Это, наверное, сделано, чтобы сидящий сзади начальник, подписывая документы на коленях, не испортил своим росчерком белоснежную чистоту листа. Такое впечатление, что есть владелец «Мерседеса», а есть окружающий его мир, и они никогда не пересекаются. Чего водитель не понимал, так это связи между миллионом и «Мерседесом». Почему все богатые люди должны ездить на «мерсах»? Эта дорогущая «табуретка с мотором», как он называл про себя эту машину, с ее устойчивым авторитарным запахом салона, представлялась ему nonsensом среди естественности жизни.

Ни одна из марок не раздражала его так, как «Мерседес». Она представлялась ему какой-то вычурной рафинированной попыткой выделиться. Какой-то очень ровной, скользкой лакированной пальмой на фоне роскоши тропической сельвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.